

Пир как театр. К вопросу о мизансцене «Сатурналий»

М.С. Петрова

В статье рассматриваются «Сатурналии» Макробия (V в.) с точки зрения построения мизансцены и поиска ответа на вопрос, который обычно выпадает из поля зрения исследователей этого текста. А именно, можно ли сыграть «Сатурналии» в современном театре, в котором литературные произведения с их сюжетами и психологическими портретами героев занимают важное место, составляя основу режиссерского и актерского мастерства. В соответствующем контексте анализируются персонажи «Сатурналий», принадлежащие к римской аристократической среде IV в., которые отождествляются с реальными историческими лицами (видные государственные деятели Веттий Агорий Претекстат, Квинт Аврелий Симмах, Вирий Никомах Флавиан, а также грамматист и комментатор Сервий, врач и натурфилософ Дисарий, философ-киник Гор, философ-платоник Евстафий, баснописец Авиен, ученые Цецина и Фурий Альбины, греческий ритор Евсевий, критик Евангел). Посредством анализа текста Макробия выявляются психологические характеристики всех действующих лиц с указанием на их вероятный источник. Обсуждается собственно мизансцена «Сатурналий», отмечается ее анахронизм. Делается вывод о возможности рассмотрения Макробиевых «Сатурналий» в качестве сочинения для театрализованного действия.

The article deals with “The Saturnalia” of Macrobius (5th century) from the point of view of constructing the mise en scène and searching for an answer to the question that is usually overlooked by the researchers of this text. Namely, is it possible to play “The Saturnalia” in a modern theatre in which literary works with their subjects and psychological portraits of heroes play an important role, constituting the basis for stage direction and acting? In the appropriate context, the characters of “The Saturnalia”, belonging to the Roman aristocratic environment of the 4th century, are analyzed. All of them are identified with the real historical figures (prominent statesmen Vettius Augorius Praetextatus, Quintus Aurelius Symmachus, Virius Nicomachus Flavianus; grammarian and commentator of Vergil’s texts Servius, physician and natural philosopher Disarius, philosopher-cynic Horus, philosopher-platonist Eustahius, fabulist Avienus, scientists Caecina Albinus and Furius Albinus, Greek rhetorician Eusebius, critic Evangelus. Through Macrobius’ text, the psychological characteristics of all personas are identified with the reference to their probable source. The actual mise en scene of “The Saturnalia” is discussed, its anachronism is noted. A conclusion is made about the possibility of considering Macrobius’ “The Saturnalia” as an essay for a theatrical action.

Весь мир – театр.
В нем... – все актеры.

У. Шекспир, «Как вам это понравится»
ППС. Т. 5. С. 47

В широком смысле слова мизансцена – это совокупность средств сценической интерпретации, в числе которых, прежде всего, декорация (т.е. создание изобразительными, живописными, архитектурными средствами зрительного образа действия) и игра актеров. В узком же смысле под этим термином подразумевается деятельность, которая заключается в сведении в определенные временные и пространственные рамки различных элементов сценической интерпретации какого-либо произведения – драматического, комедийного, трагического и т.д. Таким образом, в мизансцене изначально выражена классическая концепция избранного для показа текста как единого гармоничного целого, которое не сводится к простой сумме материалов или сценических искусств, а является качественно новой единицей более высокого уровня. В результате в мизансцене декларируется подчиненность каждого отдельного искусства единому гармоничному началу, унифицирующей идее. Требование объединяющей идеи с самого зарождения понятия мизансцены сопровождается осознанием историчности текстов, пониманием того, что существует целая последовательность «конкретизации» избранного произведения¹.

Целью нашей статьи является рассмотрение «Сатурналий» Макробия (V в.) с точки зрения построения мизансцены и поиска ответа на вопрос, который обычно выпадает из поля зрения исследователей этого текста, а именно, можно ли рассмотреть «Сатурналии» как театрализованное действие и можно ли их сыграть в театре. Здесь мы имеем в виду не античный театр, с его правилами и законами, а театр современный, в котором сегодня можно увидеть все, что угодно²,

¹ См. *Пави П.* Словарь театра / пер. с франц. под ред. К. Разлогова. – М.: Прогресс, 1991 (далее – *Разлогов* [ред. 1991]). – С. 68, 179.

² Природа современного театра – синтетична; он вбирает в себя практически все, т.е. «берет свое добро там, где его находит» (ср. ставшую крылатой фразу Мольера, сказанную им в ответ на упрек в заимствовании сюжетов и ситуаций: “Je prends mon bien [partout] où je le trouve” [«...хорошее не грех и позаимствовать»; «...хорошей мыслью не грех воспользоваться»]. – <https://translate.academic.ru> [февраль, 2018]). Современный театр – это место происходящих событий и действий, самых разных – *военных* (напр., спектакли, посвященные Великой Отечественной войне, – см. «Комсомольская правда» [12.04.15]. – <https://www.kp.ru/daily/26366.7/3247268/> [февраль, 2018]), *лечебных* (напр.,

за исключением вышедших из моды классических постановок. Литературные произведения с их сюжетами и психологическими портретами героев в нем занимают не последнее место, зачастую составляя основу как режиссерского, так и актерского мастерства¹.

Напомним, что Макробиевы «Сатурналии»² относятся к жанру симпосиев (пира или «застольных бесед») ³. Одним из существенных аспектов этого жанра является сочетание серьезного и смешного, легкость обсуждения, праздничное настроение собеседников и обсуждение самых разных вопросов⁴. Среди действующих лиц «Сатурналий» двенадцать человек; все они – реальные исторические лица, яркие представители языческой культуры и аристократической среды IV в.⁵

спектакли с медицинскими задачами на фестивале “Fringe” в Эдинбурге, – см. «Газета Коммерсантъ» [26.08.2017]. – <https://www.kommersant.ru/doc/3395373> [февраль, 2018]), *социальных* (напр., спектакли, посвященные таким социальным явлениям, как дискриминация, расизм, наркомания, экология, толерантность, ВИЧ-инфекция, аборты, психические расстройства и т.д., – см. «Новый бизнес: социальное предпринимательство» [11.11.13]. – <http://www.nb-forum.ru/news/teatr-soc-deistvi.html> [февраль, 2018]).

¹ См. Разлогов (Ред. 1991). С. 179.

² «Сатурналии» сохранились не полностью: утрачены конец второй книги, начало третьей, начало и конец четвертой книг, конец шестой книги, а также заключительная часть седьмой. Однако и уцелевшие части позволяют составить представление об этом тексте и воссоздать интеллектуальный мир описываемой эпохи. Историографический обзор основополагающих зарубежных и отечественных исследований, направленных на изучение «Сатурналий», см. Петрова М.С. Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности. – М.: Кругъ, 2007 (далее – Петрова [2007]). С. 352–371.

³ Начало этому жанру положили одноименные диалоги Платона (428/7–348/7 гг. до н.э.) и ксенофонта (430/25 – п. 355 гг. до н.э.); продолжатели – Плутарх (46–119) в «Застольных беседах» и Афиной (с. 200) в «Пире мудрецов».

⁴ См. Лосев А.Ф. Макробий // История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1992. Т. VIII. Ч. 2 (далее – Лосев [1992a]). С. 140–145; Уколова В.И. Поздний Рим. Пять портретов. М.: Наука, 1992 (далее – Уколова [1992]). С. 58–64; Уколова В.И. Макробий и его «Сатурналии» // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. – М.: Наука, 1988 (далее – Уколова [1988]).

⁵ См. Matthews J. Western Aristocracies and Imperial Court A.D. 364–425. Oxford, 1975, ²1990 (далее – Matthews [1990]). P. 271–273; 370–375; Davies P.V. [Introduction] // Macrobius. The Saturnalia. N. Y. – L., 1969 (далее – Davies [1969]). P. 4–13. См. также: Макробий Феодосий и его «Сатурналии» // Макробий Феодосий. Сатурналии / пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / примеч. и указат. М.С. Петровой, В.Т. Звиревича / прилож. М.С. Петровой. – М.: Кругъ, 2013.

Ниже мы приводим их перечень (с указанием источников имеющихся о них сведений) и предлагаем реконструированные «портреты», сопровождая их Макробиевыми психологическими характеристиками.

Веттий Агорий Претекстат (310/320–384) – ученый, государственный деятель, духовный лидер и яркий представитель языческой партии в Риме¹. О его характере и деятельности² пишут Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 390) (*Res gest.* XXII, 7, 6; XXVII, 9, 8–9; XXVIII, 1, 24) и квинт Аврелий Симмах (*Rel. X*)³. Сведения о нем можно почерпнуть из сохранившихся надписей (из которых наиболее известна та, что посвящена самому Претекстату и его жене Аконии Фабии Паулине [ум.п. 384])⁴; адресованных Претекстату (как префекту Города и префекту претория) законодательных актов, собранных

¹ См. *The Prosopography of the Later Roman Empire* / ed. by A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. In 3 vol. Cambridge University Press, 1971–1992. Vol. I: AD260–395 (1971) (далее – Jones Martindale, Morris [Ed. 1971]). P. 722–724. См. также: Boissier Gaston. *La Fin du Paganisme*. Vol. 2. P., 1891 (далее – Boissier [1891]). P. 265; Bloch, H. A New Document of the Last Pagan Revival in the West, 393–394 A.D. // *Harvard Theological Review* 38 (1945) (далее – Bloch [1945]). P. 203–204, 217–219; Klein Richard. *Symmachus: eine Tragische Gestalt des Ausgehenden Heidentums*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1971 (далее – Klein [1971]). S. 47–50; Flamant, J. *Macrobe et le Néoplatonisme Latin à la fin du IVe Siècle*. Leiden, 1977 (далее – Flamant [1977]). P. 26–36; Kahlos Maijastina. *Vettius Agorius Praetextatus. A Senatorial Life in between*. – Roma, 2002 (далее – Kahlos [2001]). *Introd.*; Ведешкин М.А. Веттий Агорий Претекстат и языческая оппозиция в Римском Сенате // *Научные ведомости Белгородского государственного университета* 13/108 (2011). Вып. 19. (далее – Ведешкин [2011]). С. 26–34.

² О семье Претекстата сведений нет. Очевидно лишь то, что его род относился к сенаторской аристократии. Около 344 г. Претекстат женился на Аконии Фабии Паулине, дочери Фабия Акония Катуллины Филоматия (префекта Рима в 342–344 гг. и консула в 349 г.), с которой прожил в браке более 40 лет, вплоть до своей смерти. Согласно надписи (CIL VI, 1779), Фабия не только была римской патрицианкой, но и тавроболиатой (участницей тавроболии, обряда жертвоприношения быков, связанного с культом Митры). См. также: Лосев А.Ф. *Претекстат* // *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*. – М.: Искусство, 1992. Т. VIII. Ч. 2 (далее – Лосев [1992б]). С. 72–74.

³ См. MGH: *Auct. Ant.* 6 / 1. P. 288. О Симмахе см. *ниже*.

⁴ См. CIL VI, 1779. См. также: Kahlos Maijastina. *Fabia Aconia Paulina and the Death of Praetextatus – Rhetoric and Ideals in Late Antiquity* (CIL VI, 1779) // *Arctos* 28 (1994) (далее – Kahlos [1994]). P. 13–25. См. также: Петрова М.С. О надписях, посвященных Претекстату // *Макробий Феодосий. Сатурналии* / пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / примеч. и указат. М.С. Петровой, В.Т. Звиревича / прилож. М.С. Петровой. – М.: Кругъ, 2013 (далее – Петрова [2013а]). С. 652–671.

в Codex Theodosianus; нескольких писем о религиозных дебатах, направленных Претекстату императором Валентинианом II (371–392; имп. – 375), находящихся в серии документов «Авелланской коллекции» (Collectio Avellana)¹. Помимо этого Иероним (347–420), знавший римскую аристократию, упоминает о Претекстате в письмах (XXIII²; XXXIX) и полемическом сочинении “Contra Ioannem Hierosolymitanum” (397 г.). Следует отметить и анонимную поэму “Carmen adversus paganos”, составленную в период между 365–395 / 401 гг., в которой также говорится о Претекстате-сенаторе³.

Не считая Макробия, сведения о Претекстате есть и у более поздних авторов. Один из них – языческий историк Зосим (перв. пол. VI в.),

¹ См. также: Blair-Dixon K. Memory and Authority in sixth-century Rome: the Liber Pontificalis and the “Collectio Avellana” // Cooper K.; Hillner J. Religion, Dynasty and Patronage in Early Christian Rome, 300–900. Cambridge University Press, 2007.

² Претекстат не упомянут Иеронимом по имени, но нет сомнения в том, что “consul designatus” и Претекстат – одно и то же лицо, поскольку именно он был избран консулом на следующий год.

³ См. Adamik (Ed. 1995). Перевод поэмы на русский язык см. Ведешкин М.А., Социлин А.А. Carmen contra paganos («Поэма против язычников») // Научные ведомости Белгородского государственного университета 8/229 (2016). Вып. 38 (далее – Ведешкин; Социлин [Пер. 2016]). С. 23–32. См. также: Cracco Ruggini L. Il paganesimo romano tra religione e politica (384–394): per una reinterpretazione del “Carmen contra paganos” // Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell’Accademia dei Lincei 8/23 (далее – Cracco Ruggini [1979]). P. 3–141; Eadem. La città imperial // Storia di Roma IV. Carattere e morfologie. Torino, 1989 (далее – Cracco Ruggini [1989]). P. 274 (п. 55). В этих исследованиях высказано предположение, что упомянутые в поэме (v. 115–122) анонимный сенатор и его вдова – Претекстат и Паулина. Заметим, что христиане, к которым, очевидно, относился автор поэмы, к деятельности Претекстата относились крайне негативно. См. Adamik (Ed. 1995), vv. 78–83: “Christicolus multos uoluit sic perdere demens: // qui uellent sine lege mori, donaret honores // oblitosque sui caperet quos daemone arte, // muneribus cupiens quorundam frangere mentes // aut alios facere parua mercede profanos // mittereque inferias miseris sub Tartara secum”. – «В безумии своем желал он погубить немало христиан. // Давал награды тем, кто вне Закона [Божьего] скончаться пожелал, // Мужей, себя забывших, в ловушку заманил уловкою бесовской, // Желал умы одних сломить дарами, // Других от Бога отгварить наградою ничтожной, // Вслед за собой несчастных в Тартар отправляя» (пер. М.А. Ведешкина, А.А. Социлина). См. также: Shanzer D. The Anonymous “Carmen contra paganos” and the Date and Identity of the Centonist Proba // Revue de Études Augustiniennes 32 (1986) (далее – Shanzer [1986]). P. 232–248; Cameron Alan. The Last Pagans of Rome. Oxford University Press, 2010 (далее – Cameron [2011]). P. 273–320.

описавший Претекстата в “*Historia nova*” (IV, 3, 3)¹ как защитника эллинистических греческих культов; другой – Иоанн Лаврентий Лид (fl. сер. VI в.), который в трактате “*De mensibus*” (IV, 2, 20–21)² пишет об иерофанте по имени Претекстат.

Упомянутые свидетельства показывают, что у Претекстата было несколько религиозных должностей: понтифик покровительницы семейного очага, богини Весты и бога Сола, авгур, тавроболий, иерофант, жрец бога Либера и Элевсинских мистерий. Он занимал важные политические и административные посты: квестор, наместник (*corrector*) Тускии и Умбрии, проконсул Ахайи, префект Рима, преторианский префект Италии (382 г.); был избран консулом на 385 г. (но в должность вступить не успел). Будучи городским префектом, он вернул Папе Дамасию (300–384; еп. Рима – 366) базилику Сицинина, помог изгнать из Города антипапу Урсина (366–367), восстановив тем самым спокойствие в Риме. В числе многих других его начинаний – восстановление портика, посвященного двенадцати языческим богам, на Римском форуме. После смерти Претекстата император просил у римского сената копии всех его речей, а жрицы Весты предложили воздвигнуть статую в его честь. Упомянутая выше надпись³ свидетельствует об учености Претекстата и о его вкладе в дело по пересмотру и исправлению текстов греческих и латинских авторов⁴.

Среди граждан Рима Претекстат был известен справедливостью. Он был одним из последних политических деятелей, поддерживавших языческую религию⁵. Он лично участвовал в отправлении религиозных культов. Его подпись стоит одной из первых на сохранившемся до нашего времени алтаре, посвященном Великой Матери (*Magna Mater*), который стал главным местом поклонения последних язычников. Незадолго до смерти он провел важную церемонию восхождения на Капитолий, схожую с языческим триумфальным шествием. В 384 г. он добился от Валентиниана II эдикта, объявляющего

¹ См. Mendelssohn (Ed. 1887). P. 160.

² См. Wünsch (Ed. 1898). P. 65.

³ См. CIL VI, 1779. См. также: Петрова (2013а). С. 652–671.

⁴ Например, он опубликовал латинскую версию «Десяти категорий» Аристотеля, пересказанную с греческого языка философом Фемистием (ок. 317 – п. 388). См. Boeth. In Peri Herm. Arist. II, 3, 7. Согласно Бозцию, Претекстат отличался особой образованностью; он свободно владел греческим языком (что было обычным для римских аристократов его эпохи), знал греческую философию, особенно, труды Платона и Аристотеля, которые переводил на латинский язык. На его знание греческого языка указывает и то, что он был одним из тех (*quindecem vir sacri faciundi*), кто читал «Книги Сивилл» (*Ibidem*).

⁵ Подробнее см. Ведешкин (2011). С. 26–34.

преступлением разрушение языческих храмов и предоставившего право расследовать эти преступления префекту Рима Симмаху (см. ниже).

В Макробиевых «Сатурналиях» Претекстат – ученейший муж¹, знаток священных обрядов (I, 17, 1; I, 7, 17: “...sacrorum omnium unice conscius”; I, 24, 1)². Ему присущи такие качества, как душевное равновесие и спокойствие (I, 7, 2)³, сила характера (I, 5, 4)⁴, а также педантизм и чувство юмора. Это, например, проявляется у Претекстата в его упреке Авиену (см. ниже), пытавшемуся умалить Сократа (II, 1, 4)⁵, а также в его замечании о том, что домашние боги не одобряют развлечений, свойственных простому народу (II, 1, 7)⁶.

Интерес и любовь к старине у Претекстата просматриваются в его дискуссиях о происхождении праздника Сатурналий (I, 7–10) и римского календаря (I, 12–16). Его глубокое знание языческой религии и соблюдение обрядов проявляется в рассуждении об осведомленности Вергилия в законах Понтификов (III, 4–12) и в пространной речи о солнечном монотеизме, смысл которой в том, что все боги греческой и римской мифологии обладают качествами единого Высшего

¹ См. также: *Миллер Т.А.* Литературная критика поэзии Вергилия в период «языческого возрождения»: Сервий, Макробий // *Очерки истории римской литературной критики* / отв. ред. Ф.А. Петровский. – М.: АН СССР, 1963. С. 283–306.

² Sat. I, 17, 1: «...божества пожелали, чтобы ты, Веттий Претекстат, был глашатаем всего священного»; Sat. I, 7, 17: «...Веттий, осведомленный о всех священных обрядах»; Sat. I, 24, 1: «...все ...стали хвалить: один – [его, Претекстата] память, другой – ученость, все [вместе] – набожность, утверждая, что он является единственным, знающим скрытую природу богов, что он один только и может постигнуть божественное благодаря уму и высказать благодаря дарованию [оратора]». Здесь и ниже (кроме особо оговоренных случаев) фразы из «Сатурналий» цит. в переводе В.Т. Звиревича (Ad loc.). См. Макробий Феодосий. Сатурналии / пер. с лат. и древнегреч. В.Т. Звиревича / общ. ред., составл., вступит. ст. М.С. Петровой / примеч. и указат. М.С. Петровой, В.Т. Звиревича / прилож. М.С. Петровой. – М.: Кругъ, 2013.

³ Ad loc. «...он был в отношении всех [людей] равным образом благожелательным и снисходительным».

⁴ Ad loc.: «Прошу добрых слов, – возразил, как обыкновенно со свойственной [ему] убедительностью Претекстат, – и давайте не будем надменно разрушать уважение к приверженцу наук о древности...»

⁵ Ad loc.: «Я прошу добрых слов, – заметил Претекстат, – что касается только уважения достоинства Сократа. Ибо кто не согласился бы предпочесть находящихся здесь светил [науки] тем, кто был на том пире [у Агафона]?»

⁶ Ad loc.: «...зрелищные развлечения не привычны для его [Претекстата] пенатов и [их] не должно ставить выше столь важного собрания».

бога – Солнца (I, 17–23). Тем не менее Претекстат изображен и как своего рода педант, и у Евангела (см. ниже) имеются все основания упрекать его в нарочитой демонстрации своей образованности¹.

Квинт Аврелий Симмах (340/5–п. 402 гг.) – младший современник и близкий друг Претекстата², прозаик, поборник древней языческой религии, занимавший важные государственные посты. В 370–374 гг. он был проконсулом Африки; в 384–385 гг. – префектом Рима; в 391 г. – консулом, обладавшим правами, схожими с императорскими³. Сохранились панегирики К.А. Симмаха императорам Валентиниану и Грациану, отрывки речей и около 900 писем, написанных с 360 по 402 г. Пруденций в трактате «Против Симмаха» пишет, что в красноречии ему уступает и сам Цицерон⁴. Заслуги Симмаха в общественно-политической и в религиозной сферах перечислены в сохранившейся подписи, сделанной его сыном, Квинтом Фабием Меммием Симмахом (CIL IV, 1699)⁵.

Что касается наиболее значительных дел Симмаха⁶, то в 382 г. он был направлен сенатом в Медиолан просить у императора Грациана пересмотра принятого под влиянием Амвросия, епископа Медиолана (340–397 гг.; еп. с 374 г.), решения о выносе из сената алтаря Победы⁷.

¹ См. также: Davies (1969). P. 4–5.

² К.А. Симмаха в Риме называли «наследником» Претекстата. См. Carm.c. pag.v. 114: “...composuit templum nuper cui Symmachus heres.”

³ См. The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. by A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. In 3 vol. Cambridge University Press, 1971–1992. Vol. I: AD260–395 (1971) (далее – Jones, Martindale, Morris [Ed. 1971]). P. 865–870.

⁴ См. Prud., C. orat. Symm. I, 173A (vv. 632–634): “Et, quascunque solent Capitolia claudere, larvas // O linguam miro verborum fonte fluentem, // Romani decus eloquii, cui cedat et ipse Tullius, has fundit dives facundia gemmas.”

⁵ См. CIL IV, 1699.

⁶ См. Уколова (1992). С. 18–35; Шкаренков П.П. «Последние римляне»: Квинт Аврелий Симмах и Кассиодор Сенатор // История через личность. Историческая биография сегодня. – М.: Круть, 2005 (далее – Шкаренков [2005]). С. 607 с илл.

⁷ Алтарь, находившийся в здании римского сената (курии) и олицетворявший собой богиню Викторию, был установлен Октавианом в 29 г. до н.э. в честь победы над Антонием и клеопатрой в битве при Акции. Золотая статуя (захваченная римлянами у Пирра в 272 г. до н.э.) представляла собой крылатую женщину, держащую в руке лавровый венок победителя. Алтарь был вынесен из курии императором констанцием II в 357 г., возвращен обратно Юлианом Отступником и вновь вынесен Грацианом в 382 г. После смерти Грациана, К.А. Симмах, будучи префектом Рима, неоднократно просил императора Валентиниана II восстановить алтарь. Его просьбы сталкивались с сильным противодействием Амвросия Медиоланского, имевшего большое влияние на императора. Все просьбы восстановить алтарь отклонялись.

После убийства Грациана именно Симмаху сенат поручил встретить в Италии с поздравлениями нового императора Магна Максима (335–388 гг.; имп. – 383)¹.

В «Сатурналиях» ораторский стиль Симмаха описан как цветистый и изысканный (V, 1, 7)²; именно он берется обсуждать наиболее шокирующие примеры риторических приемов Вергилия (I, 14, 14; кн. IV). Симмах, изображенный Макробием, сталкивается с тем, что Претекстат учтиво, но без энтузиазма откликается на его предложения к собравшимся развлечься после трапезы припоминанием остроумных и забавных высказываний древних авторов (II, 1, 8) – именно Симмах и воспроизводит ряд острот Цицерона (II, 3). Позднее (VII, 1, 2) он с пониманием относится к предложению Претекстата о том, чтобы разговор *inter rosula* сохранял ту же серьезность, что и тот, что предшествовал трапезе³.

Вирий Никомах Флавиан (334–394 гг.) – представитель влиятельного сенаторского рода Никомахов⁴, принадлежал к окружению Симмаха и находился с ним в родстве⁵. Флавиан занимал многие государственные посты и должности: консул Сицилии (364 / 365 гг.); викарий Африки (376 / 377 гг.); Квестор священной палаты (389 г.); префект претория Иллирика и Италии (390–392 гг. и 393–394 гг., при узурпаторе Евгении [392–394]); консул (394 г., власть которого признавалась лишь на территории, подвластной Евгению). Во время правления Евгения Флавиан возглавил языческую партию и проводил курс на реставрацию язычества⁶. После гибели Евгения (в битве на реке Фригид) Флавиан покончил с собой.

В дальнейшем, однако, он все же был восстановлен Евгением во время его короткого правления в 392–394 гг., но затем уже навсегда вынесен из здания сената. См. Symm. Ep. X, 54. См. также: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. – М.: Издат. политич. лит., 1990. С. 450–457.

¹ См. подробнее: Jones, Martindale, Morris (Ed. 1971). P. 865–870; Шкаренков (2005). С. 607.

² Имеются в виду слова Евсевия о виде речи, которая (ad loc.): «...витиеватая и цветистая, которой когда-то [блистал] Плиний Старший, а ныне блистает наш Симмах, [оратор], не слабее никого из древних».

³ См. также: Davies (1969). P. 5–6. Flamant (1977). P. 36–45.

⁴ Отца Флавиана звали Волусий Венуст. Аммиан Марцеллин упоминает его как викария Испании (см. Amm. Marc. Res. gest. XXIII, 1, 4; XXVIII, 1, 24). Вероятно, у Флавиана был брат, который носил то же имя «Венуст», что и отец. См. CIL VI, 1783; Symm. Ep. VI, 32.

⁵ Родство через брак членов семей Никомахов и Симмахов.

⁶ Флавиан совершал празднества в честь Исиды, Великой Матери (Magnae Matris) и публично приносил жертвы.

О должностях и деятельности Флавиана известно из двух надписей. Одна из них (CIL VI, 1782), составленная, вероятно, в 394 г., принадлежит мужу внучки Флавиана – Квинту Фабию Меммию Симмаху (сыну Квинта Аврелия Симмаха). Другая (CIL VI, 1783), помещенная на постаменте статуи, воздвигнутой в 431 г. внучатым племянником Флавиана на Троянском форуме Аппием Никомахом Декстером во славу (*cursus honorum*) его заслуг, сделана по приказу императоров Валентиниана и Феодосия¹.

Иоанн Солсберийский (XII в.) приписывает Флавиану авторство утраченного трактата “*De vestigiis et dogmatibus philosophorum*”²; кроме того, сохранившаяся фраза “*historicus disertissimus*”³ свидетельствует о литературных занятиях Флавиана (ему принадлежали “*Анналы*”, использованные Аммианом Марцеллином).

Макробий говорит о Флавиане как о человеке хорошо образованном, обладающем приятным нравом; основательном в жизни (I, 5, 13). Он упомянут как друг философа Евстафия (I, 6, 4) (см. ниже). При обсуждении текстов Вергилия Флавиан обещает рассказать о знании поэтом законов авгуров (I, 24, 17), но его вклад в эту беседу (вероятно, составлявший утраченную часть третьей книги) не сохранился. Среди других его речений – опровержения отдельных утверждений собеседников относительно свойств вина (VII, 6)⁴.

Претекстат, Флавиан и Симмах – главные действующие лица «*Сатурналий*». Все они – видные римские государственные деятели и лидеры, возглавлявшие борьбу партии язычников в сенате против христиан. Остальные участники – знатные аристократы, принадлежавшие к образованнейшим людям своего времени.

Сервий (Рим, ок. 400 г.) – грамматист и комментатор Вергилия⁵. Он представлен Макробием как молодой человек, «удивительной учености и вместе с тем приятный в [своей] скромности, с направленным в землю взором и как бы стремящийся быть незамеченным»,

¹ См. CIL VI, 1783. Это событие произошло спустя 40 лет после битвы на реке Фригид. Императоры Валентиниан и Феодосий, воздав должное заслугам и безупречности Флавиана, установили ему памятник.

² См. Joan. Saresb. Polycr. II, 26 (460b): “*Hoc autem asserit Flavianus in libro, qui De vestigiis philosophorum inscribitur*”. Ibidem VIII, 2 (790a; 755a); VIII, 12 (758a; 761a).

³ CIL VI, 1782.

⁴ См. Davies (1969). P. 6–7; Flamant (1977). P. 45–58.

⁵ Комментарии Сервия на Вергилиевы Энеиду, Буколики и Георгики были основополагающими при изучении текстов поэта в Средние века. См., напр., Georgii, H. Zur Bestimmung der Zeit des Servius // *Philologus* 71 (1912) (далее – Georgii [1912]). P. 518–526.

который лишь недавно присоединился к учителям-грамматистам (I, 2, 15; I, 4, 4¹).

Макробий повсеместно отмечает его образованность (I, 23, 20²; I, 24, 8; VI, 7, 2; VI, 9, 3³; VII, 11, 1⁴), в частности, его знание Вергилия (VI, 6, 1), а также демонстрирует его застенчивость и сдержанность (e.g. II, 2, 12⁵; VII, 11, 1⁶). Очевидно, для Макробия было естественным «заставить» Сервия обсуждать различные латинские слова, именования (напр., «Сатурналии») и лингвистические формы (I, 4), давать разъяснения по поводу использования Вергилием определенных фраз и грамматических конструкций (VI, 7, 9). Именно в этом состоит его роль⁷.

Дисарий – грек по происхождению (VII, 5, 2: VII, 5, 4), врач и натурфилософ⁸. Вероятно, именно он упомянут в «Письмах» Симмаха (III, 37; IX, 43; IX, 44)⁹.

У Макробия о нем (как и о Евсевии) сказано, что это человек преклонного возраста (VII, 10, 1)¹⁰, лучший из врачей в Риме (I, 7, 1)¹¹, «безмерно приятный... весьма ученый» (VII, 7, 13) и красноречивый (VII, 8, 7). Претекстат же, к которому Дисарий неожиданно пришел вместе с Евангелом и Гором, намеревается обратить досуг в полезное занятие (I, 7, 1)¹² и поговорить о различных науках (*ibid.*, I, 7, 7–8). Дисарий вступает в беседу в последний день праздника, когда обсуждаются медицинские темы (VII, 4, 1–3). Будучи приверженцем врача Эрасистрата (304–250 гг. до н.э.), он резко критикует попытки

¹ Ad loc.: «...мне больше пристало учиться, чем учить».

² Ad loc.: «...величайший из всех словесников».

³ Ad loc.: «...знаток самой природы слов».

⁴ Ad loc.: «Сервий, ученейший не только среди молодых... но также среди всех стариков».

⁵ Ad loc.: «Сервий молчал из-за скромности...».

⁶ Ad loc.: «...тот, стеснительный от природной скромности, покраснел вплоть до предательского румянца».

⁷ Однако сам Макробий не зависит от Сервия в своей критике Вергилия, скорее оба автора (и Макробий, и Сервий) выстраивают свои рассуждения, основываясь на текстах ранних комментаторов. См. Davies (1969). P. 9; Flamant (1977). P. 78–79.

⁸ См. Davies (1969). P. 10–11. См. также Приложение 3.

⁹ См. Davies (1969), p. 10–11; Flamant (1977). P. 71–72.

¹⁰ Ad loc.: «...придется мне с тобой вести беседу, Дисарий, о [том] возрасте, в дверь которого мы оба почти уже стучимся. Когда Гомер называет стариков *πολύκροτάφου* (с седьми висками)...».

¹¹ Ad loc.: «...превосходил [всех] прочих, преподававших искусство врачевания».

¹² Ad loc.: «Мы же сошлись, чтобы и священным праздникам честь оказать – и притом избежать праздничного безделья, – и обратить досуг в полезное занятие, намереваясь посвятить весь день ученым сообщениям...».

вторжения философии в область медицины (VII, 15, 1)¹, благодаря чему вызывает возражения Евстахия (VII, 15, 14)².

Гор – ученый, философ-киник. Скорее всего, именно он упомянут в «Письме» (II, 39) Симмаха³. У Макробия Гор – египтянин (как показывает его имя), «уроженец [берегов] Нила» (I, 15, 4; I, 16, 37; VII, 13, 9). После весьма успешной карьеры профессионального кулачного борца, он (как и Клеанф) обратился к философии (I, 7, 3)⁴, и преуспевание в этих занятиях позволило ему получить статус «мужа основательно и выдающегося» (I, 16, 38), придерживающегося аскетизма киников (VII, 13, 17). Его роль состоит в ответах на вопросы о почитании бога Сатурна (I, 7, 14), происхождении римского календаря (I, 15, 1), критике роскоши времен Республики (III, 13, 16), замечании о практике кремирования, вышедшей из употребления (VII, 7, 5).

Евстафий – грек по происхождению, из Каппадокии, философ-платоник⁵. У Макробия он друг и современник Флавиана (I, 6, 4)⁶, «ученейший муж» (II, 2, 6) и знаток философии (I, 5, 13⁷; VII, 1, 8⁸).

¹ Ad loc.: «Дисарий прибавил: “Эти [ваши] одобрения призывают философию к тому, чтобы присваивать себе [право] рассуждать о чужом искусстве, из-за чего часто случались вопиющие ошибки. Как, [например], ваш Платон обрек себя на осмеяние потомков, когда не удержался от *анатомических* вопросов, которые принадлежат медицине...».

² Ad loc.: «При этих [словах Дисария] Евстафий, несколько возбудившись, говорит: “Не менее чем ты, Дисарий, я внушал [это] философам, как [и] врачам. Но только мне кажется, что ты предаешь забвению утвержденное согласием человеческого рода и верное положение, что философия является искусством искусств и наукой наук. А ныне на [нее] самую бесчестным образом нападает медицина, хотя философия считается весьма могущественной там, где рассуждает об умопостигаемой области, то есть о бестелесном; и туда она простирается, где трактует о природоведческих вопросах, то есть о божественных телах неба или звезд».

³ В указанном письме речь идет о Гóре (Orus), как “philosophus ritu atque eruditione praecipuus” – см. Davies (1969). P. 11; Flamant (1977). P. 72–73.

⁴ Ad loc.: «Гор, муж, одинаково крепкий телом и духом, который начал заниматься философией после бесчисленных побед среди кулачных бойцов и, став последователем учения Антисфена, кратета и самого Диогена, заслужил славу среди киников».

⁵ Об идентификации Евстахия см. Glover, T.R. *Life and Letters in the Fourth Century*. Cambridge, 1901 (далее – Glover [1901]). P. 5; Jan (Ed. 1848). P. xxix-xxx; Davies (1969). P. 9–10; Flamant (1977). P. 67–69.

⁶ Ad loc.: «...Флавиан и Евстафий, двое, известные [своей] дружбой».

⁷ Ad loc.: «...Евстафия, который является таким [знатоком] во всякого рода философии, что может один подражать дарованиям трех философов, о которых разнесла славу наша древность».

⁸ Ad loc.: «...наше поколение назвало тебя, Евстафий, единственным приверженцем философии».

Роль Евстафия, с одной стороны, связана с обсуждением вопроса знания Вергилием философии и астрономии (I, 24, 18; I, 24, 21), демонстрированием примеров зависимости Вергилия от Гомера (V, 2–14) и других греческих поэтов (V, 15–22, 15; VI). С другой стороны, Евстафий отмечает «долг» Цезаря по отношению к египтянам и грекам при составлении римского календаря (I, 16, 38–44), участвует в дискуссии о питье вина и получении удовольствия от его вкуса (II, 8, 5–16), доказывает уместность рассуждений на философские темы во время трапезы (VII, 1, 5–24), делится своими наблюдениями о порицаниях посредством острот или насмешек (VII, 2–3), поддерживает высказывания, касающиеся физиологии своего соотечественника врача Дисария (VII, 14–16).

Авиен (род. ок. 400 г.) – баснописец¹. Ему принадлежат 42 басни, посвященные [Макробию] Феодосию². В «Сатурналиях» Авиен представлен как застенчивый, добрый и остроумный юноша (VII, 3, 23³). Обладая прекрасной памятью (II, 8, 1)⁴, зная огромное количество анекдотов (II, 4–7), он стремительно вмешивается в разговор (I, 6, 3⁵; II, 3, 14⁶) или, напротив, делает тихие замечания (I, 4, 1; VI, 7, 17⁷). С его «помощью» Макробий расширяет тему какого-либо дискурса или же меняет предмет обсуждения (I, 5, 1–3; I, 17, 1; V, 1, 2 и 6⁸ V, 3, 16⁹; VII, 3, 1¹⁰),

¹ Об идентификации Авиена и его имени см. Петрова М.С. Баснописец Авиен и Макробий Феодосий // Диалог со временем 6 (2001) (далее – Петрова [2001]).

² О том, что басни были посвящены именно Макробию см. Петрова (2001).

³ Ad loc.: «Следовательно, мой Авиен... нужно наставлять тебя с молодости, которая столь восприимчива, что [быстро] схватывает подлежащее изучению...».

⁴ Ad loc.: «... поднялось веселье, так как [все] восхваляли прекрасную память и прелесть остроумия Авиена...».

⁵ Ad loc.: «Тогда Авиен – поскольку у него было обыкновение перебивать [собеседника] – говорит...».

⁶ Ad loc.: «Когда Симмах еще говорил и, как казалось, многое еще намеревался сказать, Авиен, перебив его, как это обыкновенно бывает в застольных разговорах, сказал...».

⁷ Ad loc.: «...Претекстат, видя Авиена, нашептывающего что-то Евстафию, говорит: “Отчего бы тебе, Евстафий, не оказать поддержки застенчивому и доброму юноше Авиену и самому не объявить нам то, что он шепчет...”».

⁸ Ad loc. [2]: «Авиен спрашивает: “Если мы, как это необходимо, согласны в том, что Вергилий был оратором, я хочу, чтобы ты, превосходнейший из учителей, сказал мне следующее: если кто-нибудь захотел бы следовать искусству речи, то больше преуспел бы в этом благодаря Вергилию или Цицерону?”...»; [6]: «Авиен ответил: “Я хотел бы, чтобы ты со всей ясностью показал мне эти различия [в красноречии] на примере [отдельных] лиц...”».

⁹ Ad loc.: «Авиен сказал: “Прошу, Евстафий, продолжай исследовать все, что он извлек из Гомера...”».

¹⁰ Ad loc.: «Авиен добавил: “Всех вас, ученые из ученых, кто здесь присутствует, я просил бы о том, чтобы из уважения к вам Евстафий вдохновился открыть то, что немногим ранее он сказал об остроте...”».

«переносит» действие на других лиц. Так, например, когда в конце первого дня празднования некоторые из участников беседы намереваются порассуждать о различных аспектах творчества Вергилия, Авиен говорит, что сам не будет принимать участие в такой беседе, но, скорее, послушает, что скажут другие (I, 24, 20; VI, 7–9)¹. Кроме того, Макробий представляет Авиена как друга Гора (I, 7, 14).

Альбины, Цецина и Фурий. Идентификация Альбинов является сложной проблемой, а ее решение – спорным². Цецину (Caecina), как правило, отождествляют с Публием Кеонием Альбином (Publius Caecinius Albinus), понтификом, о котором с уважением упоминает Иероним³. Поскольку имя другого персонажа, Фурия (Furius) в сочетании с именем Альбин (“Furius Albinus”) в «Сатурналиях» встречается дважды (I, 2, 16; I, 4, 1), а само имя “Furius” во многих манускриптах «Сатурналий» записано как “Rufius”⁴, этого персонажа отождествляют с Руфием Альбином (“Rufius Albinus”), человеком, который был префектом Рима в 389–391 гг.⁵ Это подтверждают несколько современных ему надписей⁶. Цецина Альбин и Фурий (Руфий) Альбин могут быть связаны с семейством Альбинов, упоминаемых Рутилием Намацианом ок. 416 г.⁷ В «Сатурналиях» из двух Альбинов, принадлежащих, по словам Претекстата, к образованнейшим людям своего времени (VI, 1, 1), Цецина Альбин является современником Симмаха (I, 2, 15)⁸. Он – тот Альбин, который упомянут как отец Деция в «Прологе» при изложении Макробием беседы Постумиана и Деция о досуге и пире (I, 2, 2–3). Согласно Макробию, вклад Цецины в разговор состоит в обсуждении вопросов об исчислении гражданского дня в Риме (I, 3), изменении жертвоприношений (I, 7, 34), «медовых лакомствах» (II, 8, 3) и роскоши, преобладавшей в Риме в период Республики (III, 13). Последний вопрос далее рассматривается более подробно Фурием (III, 14, 17). И Цецина, и Фурий во исполнение своих намерений (I, 24, 19) иллюстрируют с помощью цитат зависимость Вергилия от предшествующих латинских авторов (VI, 1–5), задают ряд вопросов физиологического и физического характера врачу Дисарию (VII, 8). Цецина также воспроизводит рассказ одного авторитетного автора

¹ См. также: Davies (1969). P. 8–9; Flamant (1977). P. 77–78.

² См. Dill, S. Roman Society in the Last Century of the Western Empire. L., ²1899 (далее – Dill [1899]). P. 14; Davies (1969). P. 7–8; Flamant (1977). P. 58–65.

³ См. Hier. Ep. 107, 1.

⁴ См. Willis (Ed. 1963). P. 8; 12 sqq.

⁵ См. Jones, Martindale, Morris (Ed. 1971). P. 38–39.

⁶ См. CIL VI, 379^{la}, 379^{lb}, 36959; Chastagnol (1962). P. 233–236.

⁷ См. Rut. Nam. De red. suo I, 167–176; 466–474.

⁸ Ad loc.: «...Аврелий Симмах и Цецина Альбин, весьма схожие... по возрасту... привычкам и увлечениям...».

о законе понтификов относительно происхождения обычая ношения кольца на безымянном пальце левой руки (VII, 13, 11–16).

Евсевий – греческий ритор¹. Скорее всего, это тот Евсевий, который был учеником философа Проересия и о котором нелестно пишет Евнапий из Сард (Жизнь философов 493).

В «Сатурналиях» Макробия Евсевий – человек преклонного возраста (VII, 10, 1²), занимающий место юриста Постумиана на пиру, а затем пересказывающий ему то, что там происходило (I, 2, 7; I, 6, 2). Его роль заключается в обсуждении знания Вергилием ораторского искусства (I, 24, 11), стилей ораторского мастерства, обстоятельств, сопутствующих старению (VII, 10).

Евангел – критик³. Вместе с Дисарием и Гором он приходит к Претекстату уже после того, как собрались другие гости. Он описан как нескромный молодой человек, бестактный и шокирующий присутствующих, не выбирающий выражений (I, 11, 2⁴). Оказавшись в большой компании, участники которой встретили его приход с «хмурым выражением лица» (I, 7, 2⁵), он неучтиво приветствует Претекстата, но смягчается, когда Претекстат приглашает его и его спутников принять участие в торжестве. Однако большинство присутствующих дают понять, что «прибытие Евангела мешает хорошему проведению досуга и мало соответствует их мирному собранию».

Вначале Евангел не принимает участия в беседе (I, 11, 1), но впоследствии призывает выпить вина (II, 8, 4), что для Макробия служит предлогом сослаться на замечание Платона о пользе вина за обедом и на то, что по этому поводу писали Аристотель и Гиппократ (II, 8, 5–16). Затем Евангел вмешивается в обсуждение вопроса о мозге человека, прерывая врача Дисария (VII, 9, 1⁶), а впоследствии, грубо пре-

¹ См. Davies (1969). P. 10; Flamant (1977). P. 70–71.

² Ad loc.: «Следовательно, – вступает Евсевий, – придется мне с тобой вести беседу, Дисарий, о [том] возрасте, в дверь которого мы оба почти уже стучимся...».

³ См. Glover (1901). P. 175; Davies (1969). P. 11–13; Flamant (1977). P. 74–75.

⁴ Ad loc.: «...все ужаснулись [словам Евангела...].»

⁵ Ad loc.: «Хмурое выражение лиц большинства сидящих являло, что прибытие Евангела мешает хорошему проведению досуга и мало приличествует мирному собранию. Ведь он был человеком язвительно-насмешливым, с дерзко-нахальной речью, наглым и пренебрегающим неприязню, которую вызывал по отношению к себе своими словами, повсюду сеющими ненависть, так как не выбирал выражений...».

⁶ Ad loc.: «Евангел прерывает продолжающееся обсуждение и говорит: “Я [тоже] потревожу нашего Дисария, даже если он будет удовлетворять спрашивающего теми своими маленькими и подобными капелькам ответами...”».

кращая спор между Евстафием и Дисарием, насмешливо просит рассказать, что появилось раньше, яйцо или курица (VII, 16, 1¹). Он также спрашивает, отчего мясо кабана портится быстрее при лунном свете, чем при солнечном (VII, 16, 15). Его главная роль состоит в том, чтобы критиковать Вергилия и время от времени (e.g. III, 10–12; V, 2, 1) отпускать замечания, умаляющие достоинство поэта. Когда Претекстат, завершая пространное рассуждение о почитании Бога-Солнца (I, 17–23), упоминает строку из «Георгик» (I, 18, 23), Евангел выражает неодобрение теологическим теориям Вергилия (I, 24, 3–4); он также противится всеобщему восхищению поэтом, важным, по его мнению, лишь для детей (I, 24, 6).

Что касается происхождения Евангела, то, согласно Макробию, он не был греком, поскольку называет Вергилия «нашим поэтом» (I, 24, 2)². Однако не представляется возможным получить ответ на вопрос, был ли Евангел христианином, несмотря на то что его имя, несомненно, напоминает христианское³. Возможно, особенности характера, которыми наделил этого персонажа Макробий, отражают его отношение к современным ему христианам⁴.

¹ Ad loc.: «Между тем Евангел, ненавистник славы греков и насмешник, говорит: “Пусть-ка они сотворят то, что среди вас отвергается как проявление болтливости. Отчего же мне [тогда] не пожелать поскорее узнать от вас, если что-нибудь в этом понимает ваша мудрость, яйцо ли прежде существовало или курица?”».

² Ad loc.: «Между тем Евангел говорит: “...когда бывает беседа о божественном, вы стремитесь к тому, чтобы по каждому отдельно [божеству] призывать в свидетели нашего Мантуанца, а не к тому, чтобы она происходила, как думается, с обсуждением [его высказываний]”».

³ Если Евангел все же был приверженцем христианской веры, то должен был бы выразить свое неприятие языческой религии. Такое отношение лишь «просматривается» в его словах к Претекстату (I, 11, 1): «При всем блеске дарования и красноречия нашего Претекстата, я не в состоянии вынести того, что он в предыдущей речи пожелал предписать ради почитания некоего бога: чтобы рабы обедали вместе с господами, как если бы, право, боги заботились о рабах, или какой-нибудь разумный человек допустил бы оскорбление своего дома столь мерзким обществом. Или теперь вот он пытается приписать Сигилляриям, которые своими глиняными фигурками доставляют забаву все еще ползающим детям, служение богопочитанию и, поскольку он считается первым из набожных людей, примешивает сюда уже кое-что и от суеверия».

⁴ Отношение сенаторской оппозиции к христианству во время жизни Претекстата отражено в словах Фурия Альбина (III, 14, 2: «Если мы рассудительны, мы всегда должны почитать древность»). В связи с этим немалый интерес представляет фраза Аммиана Марцеллина, описывающего отношение императора Юлиана к деятельности Константина (Res gest. XXI, 10, 8): «Тогда же

Скорее всего, выбирая участников для «Сатурналий», Макробий обращался за информацией к письмам Квинта Аврелия Симмаха. Например, Евангела он представляет как нарушителя спокойствия, «бестактного и шокирующего всех присутствующих» – характеристика, содержащаяся в письме Симмаха (VI, 7), в котором Евангел именуется «беспечным» (*incautus animus*). Появление в «Сатурналиях» врача Дисария и философа Гора также, вероятно, связано с письмами Квинта Аврелия, в которых о Дисарии говорится как о человеке «дражайшем... первейшем среди обучавших врачеванию, по праву занимающем первое место» (Ер. III, 37), а о Горе сказано, что он «философ по жизни и первейший по учености» (II, 39; III, 37).

Описываемая Макробием мизансцена¹ такова – канун праздника Сатурналий в доме Претекстата (I, 2, 15–20). Претекстат, будучи хозяином дома, обсуждает с Фурием Альбином время начала празднования. Затем он приглашает Квинта Аврелия Симмаха, Альбина Цецину и Сервия. После этого следует пространное объяснение Цецины о временных делениях дня (I, 3), разбирается употребление отдельных выражений и слов в латинском языке (e.g. *noctu futura*; *die crastini*), обсуждаются грамматические флексии (e.g. *Saturnalia*) (I, 4–5)². Празднование длится три дня, в течение которых гости пируют, веселятся, обсуждают различные вопросы.

В первый день празднования Флавиан, Евстафий и Евсевий составляют кружок (I, 6, 4). Претекстат объясняет происхождение своих имен, обычая ношения достигшими совершеннолетия мальчиками окаймленной тоги (*toga praetexta*) (I, 6, 5–30). Затем, с прибытием

Юлиан потревожил память Константина, обличая в нем любителя новшеств и разрушителя старых законов и древних обычаев...»

¹ См. также: Jan (Ed. 1848). P. XV–XXII; Davies (1969). P. 2–4; 13–17; Уколова (1988). С. 50–56; Она же. Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V – начало VII в.). – М.: Наука, 1989 (далее – Уколова [1989a]). С. 173–192; Уколова (1992). С. 59–64; Лосев (1992а). С. 141–144.

² Имеется в виду обсуждение грамматических форм и ссыла на упоминание Цезаря об «аналогии» (I, 5, 2) – ср. также: Gel. Noct. Att. XIX, 8; Quint. Inst. orat. VIII, 3. См. также: Hardie, W.R. Lectures on Classical Subjects. L. – N.Y., 1903 (далее – Hardie [1903]). P. 279.

³ В Предисловии (2) к «Сатурналиям» Макробий заявляет о своей некомпетентности судить о грамматических формах, поскольку он – человек, «рожденный под чужим небом». Возможно, это либо ложная скромность, либо литературный прием. Если Феодосий, которому посвящены «Басни» Авиена, является Макробием Феодосием и автором «Сатурналий», то Авиен в Предисловии к «Басням» хвалит его за мастерство в латинском и греческом языках. См. Davies (1969). P. 13 (n. 33).

Евангела, Дисария и Гора (I, 7, 1–13), разговор поворачивается к обсуждению происхождения празднования Сатурналий (I, 7, 14 – I, 11). Он начинается с легенды о Сатурне и боге Янусе и пространного отступления, касающегося жестокого обращения с рабами и их поведения. Далее Претекстат говорит о римском календаре (I, 12, 2 – I, 15), дает обоснование монотеизму, рассматривая всех языческих богов как проявления единого божества – Солнца (I, 17, 23). Евангел говорит (I, 24, 2) о необходимости обсудить творчество Вергилия, который представлен как авторитет в любой области знаний (I, 16, 12). Симмах и другие участники беседы на примерах демонстрируют его глубочайшие познания в философии, астрономии, законах авгуров и понтификов, риторике и ораторских приемах, его умелое использование текстов древних греческих и латинских писателей (I, 24, 10–21). Затем участники приступают к пиршеству (I, 24, 25). Каждому гостю за обедом предложено повторить какое-нибудь шутовское изречение древних (II, 1, 15). Претекстат начинает с пересказа известных шуток Цицерона (II, 2, 2–3). Далее в беседу вступают другие персонажи (II, 2, 4–7): Флавиан и Цецина Альбин высказывают замечания о сластях; приводят слова Платона о свойствах вина, изречения Аристотеля и Гиппократата относительно невоздержанности в питье (II, 8, 1–16).

На следующий, второй, день празднование продолжается в доме Флавиана. Евстафий рассуждает о знании Вергилием философии, астрономии¹, законов понтификов. В частности, Претекстат цитирует строки поэта, которые относятся к церемониальному очищению водой (III, 1, 1–8), обращая внимание слушателей на этимологическую точность², с которой Вергилий использует ритуальное значение слова или выражения (III, 5–6). Во время разгара пиршества (III, 13) обсуждается роскошь времен Республики (III, 13, 16), мастерство танца (III, 14), стоимость некоторых видов рыбы (III, 15–17), различные виды орехов, яблок, груш, олив и винограда (III, 18–20). Разговор прерывается Претекстатом, указывающим на поздний час и предлагающим гостям продолжить утром, в третий и последний день празднования, в доме Симмаха (III, 20, 8).

Беседа участников выстраивается вокруг правил Вергилиевой риторики, обсуждения риторических приемов поэта, используемых для пробуждения страстей и эмоций (*πάθη*)³, с приведением соответствующих

¹ Знание такого рода было необходимо для понимания поэзии. Ср. Quint. Inst. orat. I, 4, 4.

² E.g., *religiosus* (III, 3, 8); *delubrum* (III, 4, 2).

³ Ср. Quint. Inst. orat. VI, 2, 8: “...πάθος, quod nos vertentes recte ac proprie adfectum dicimus...”

примеров (IV, 2, 4–8)¹, обсуждаются образцы риторических фигур (IV, 6, 9–24). Далее беседа выстраивается вокруг сочинений Вергилия и Цицерона², а также четырех родов ораторского стиля, имеющих место в поэмах Вергилия, и зависимости поэта от греческих авторов (V, 2, 1 – VI, 1–7). После трапезы³ участники рассуждают на тему, можно ли философствовать за столом (VII, 1), говорят о правилах поведения во время трапезы (VII, 2–3), а также обсуждают самые разнообразные темы (VII, 4–16): например, о том, какая пища усваивается лучше, простая или смешанная (VII, 4 – VII, 5), отчего женщины реже пьянеют, а мужчины чаще (VII, 6), отчего женщины реже мерзнут, чем мужчины (VII, 7), какова причина облысения (VII, 10), отчего люди краснеют и бледнеют (VII, 1), почему кольцо носят на безымянном пальце левой руки (VII, 3), что произошло раньше – яйцо или курица (VII, 6), почему пресная вода – лучшее средство для очищения, чем морская (VII, 3). Также обсуждаются свойства нервной системы (VII, 9) и зрительного восприятия (VII, 4), высказываются наблюдения о целебных свойствах меди (VII, 16)... Заключительная часть сочинения утрачена.

Говоря о мизансцене, построенной Макробием, важно указать на анахронизм, за который сам он извиняется в начале сочинения (I, 1, 3–6), говоря, что включает в свое повествование известных людей, которые не могли встретиться вместе в реальности. Среди таковых современник Макробия баснописец Авиен⁴, который жил позже, чем устроитель пира – Претекстат (ум. 384 г.), а также Сервий, который по сравнению с Претекстатом, был слишком молод, чтобы входить в его круг. Однако важно то, что Макробий вводит в число действующих лиц «Сатурналий» не вымышленных персонажей, а реально живших людей. Всем им присущи образованность, изящество речей и поступков, за исключением Евангела. Вероятно, последний намеренно включен Макробием в действие для его драматизации (что вполне можно рассматривать как соответствующий театральный прием). Евангел высказывает свои мнения, задает вопросы, критикует старинные порядки. Остальные гости, отвечая ему, излагают собственные взгляды, обсуждая вопросы философии, религии, литературы и науки.

Наше изложение демонстрирует, что рассмотрение Макробиевых «Сатурналий» в качестве театрализованного действия вполне

¹ Речь Юноны в «Энеиде» (VII, 293–320).

² Ср. Sat. I, 24, 5. К обсуждению текста Цицерона Макробий обращается в «Комментарии на 'Сон Сципиона'».

³ Многие темы для таких разговоров взяты Макробием из «Застольных бесед» Плутарха.

⁴ См. Петрова (2001). С. 185–191.

возможно. Ведь, с одной стороны, есть режиссер (автор), сцена и актеры... – т.е. мизансцена, охватывающая среду, в которой существуют действующие лица (актеры), и психологические решения их ролей. С другой стороны, есть зрители (читатели), субъективно воспринимающие зрелище (текст).

Конечно, при этом следует учитывать особенность театрального зрелища. Ведь зритель, наблюдая за действием «Сатурналий», будет корректировать и трансформировать спектакль в своем восприятии, по-разному расставляя акценты, порой кардинально меняя общий смысл и идею представления. По этой причине любой спектакль без зрителя невозможен (по сути, название театра подразумевает зрительские места и зрелище), как и невозможна жизнь литературного произведения без читателя. Действие «Сатурналий», поставленных на сцене, продолжается пару часов, их жизнь «в тексте» длится уже более полутора тысяч лет... Жаль только, что их автор об этом не знает.